

Виктория Платова: «Для меня писать — значит жить»

Беседу ведёт Татьяна КОСТЫГОВА

— Новая книга Платовой есть?

— Раскупили. Приходите дня через два, возможно, завезут дополнительный тираж.

Год назад такой разговор у прилавка с детективами был бы невозможен. Маринина — это понятно. Бушков, Дашкова, Акунин, наконец. Их книги опытные продавцы выкладывают в отдельный ряд, чтобы легче было найти. Ничего не поделаешь, бестселлеры. Лидеры отечественного книжного рынка. Романы Виктории Платовой ещё совсем недавно лежали в общей массе пёстрых лакированных обложек с устрашающими картинками и броским грифом «Детектив глазами женщины». Но появился второй роман, третий, пятый, восьмой. Выходит полное собрание сочинений. По телевидению прошёл лихо закрученный сериал «Охота на Золушку» — прямо-таки русская Никита, только ещё круче, с Амалией Мордвиновой в главной роли. И вот продвинутые ларёчники уже выкладывают книги Платовой в первые ряды, имя её на слуху. Кто такая? Откуда? Почему раньше о ней ничего не слышали?

Потому и не слышали, что первую свою книжку «В тихом омуте» никому не известная петербургская сценаристка написала всего два года назад. А сегодня стала профессиональной писательницей и стремительно вырвалась в число самых читаемых (и покупаемых) мастеров остросюжетной литературы.

Виктория Евгеньевна Платова (это псевдоним, как принято сегодня у детективщиков, настоящая её фамилия — Соломатина) ещё совсем молода. Одета очень просто. Гладкие волосы, никакой косметики и украшений. Правда, курит не переставая. Причём не какие-то там банальные сигареты, а самую настоящую трубку. Вдумчиво набивает её вкусно пахнущим табаком, пускает затейливые кольца.

— Дань студенческой молодости, — смеётся она. — Вгиковский прикол. Там надо было обязательно выделиться, быть не такой, как все, придумать свою «фенечку». Вот я и привыкла.

— Я не возражаю, — вступает в разговор муж Виктории, Михаил Зонов. — Трубка полезнее. Меньше курит. Правда, много времени уходит на раскуривание. То на то получается.

Виктория и Михаил женаты уже шесть лет, практически не расстаются и чаще всего употребляют местоимение «мы»: «наша работа», «наши критики», «наш сериал», даже «наши книги». Они познакомились в тяжёлое для Виктории полугодное время, когда она, недавняя выпускница сценарного отделения знаменитого ВГИКа — Института кинематографии — перебивалась случайными заработками, хваталась за любую халтуру, лишь бы как-то держаться. Откровенно считала себя клинической неудачницей. Сочиняла пьесы, которые никто не ставил. И в конце концов, как и героиня её будущего романа, пошла служить в видеопрокат. («Кстати, неплохое было времечко, с утра до вечера занималась любимым делом: смотрела кино».)

Иногда везло: удавалось пристроить сценарий. Однажды на съёмках документального фильма с символическим названием «На краю надежды» — о старых ленинградках, переживших блокаду, — они и встретились с Михаилом. И больше не расставались.

Виктория без всякого сожаления оставила нелюбимую, неприветливую Москву, переехала к мужу в Петербург. Жили сначала в коммуналке, тесно, бедно, но весело — безумное ощущение молодости, вспоминает она, когда неважно, что сегодня плохо, потому что знаешь: завтра будет хорошо.

А потом Михаил вдруг сказал: «Вика, почему бы тебе вместо всех этих халтурных сценариев не написать настоящую книгу? Я знаю, ты можешь».

Она отказывалась, отшучивалась, отругивалась. Но он был настойчив. А она привыкла, что он в семье главный, лучше знает, как поступать, и надо его слушаться. Понятие «замужем» она понимала по старинке: «за мужем».

Решила попробовать. И неожиданно ей это понравилось. Увлелась. Он читал каждую

новую страничку. В творческий процесс не вмешивался, с советами не лез — разве что в самых критических ситуациях, когда она сама не справлялась. Тогда, бывало, будила его ночью, заставляла читать, они спорили до хрипоты и как-то всё само собой улаживалось.

Так появилась первая «наша книга»: «В тихом омуте», история про вгиковку Еву, красавицу и авантюристку, легко шагающую по трупам и перепрыгивающую из постели в постель ради совершения справедливого возмездия — эдакий вариант современного Монте-Кристо в модной юбке. Некоторые сюжетные ходы романа вошли потом в сценарий телесериала, но сериал, как считает сама Виктория, лёгкий, кукольный, даже банальный. А в книге всё было всерьёз. Пожалуй, она несколько тяжеловата, чересчур плотна, перегружена ужасающими деталями и кровавыми подробностями (больше себе Платова такого расточительства не позволит), но действие развивалось стремительно, развязка обрушивалась неожиданно, а главное, было в первой пробе пера начинающего автора что-то особенное, выделяющее её из общей массы «женских детективов». То ли жёсткость письма, бесстрашие в подходе к самым острым, пугающим проблемам, то ли своеобразный стиль автора и несомненная культура, просвечивающая в деталях, диалогах, обеспечивающая действию крепкий достоверный фон.

В петербургских издательствах заинтересовались книгой, но Михаил решил: едем в Москву. Пришли в издательство «Эксмо». И завертелось...

— **Виктория, скажите, в вашей семье и теперь всё решает муж?**

— Конечно. Если бы не он, ничего бы не было. Ни книг, ни телевидения. Я ужасно беспомощная, непрактичная. А он держит на себе весь дом, он водитель, редактор, продюсер. На нём переговоры, денежные дела, контракты и так далее. Я не умею ладить с людьми. У меня очень плохой характер. Я взрывная, несдержанная, нетерпеливая. В шахматы играем — я, если проигрываю, кричу и бросаюсь фигурами. Круши и ломай! Для меня существует масса безвыходных ситуаций, я теряюсь, впадаю в депрессию. А он спокоен, весел и в результате всегда оказывается прав. Вот, например, заставил меня переделать финал «Корабля призраков». Я посопротивлялась, покричала, а потом всё сделала, как он хотел. Получилось...

Жаль, что, занимаясь нашими общими проблемами, он забывает свои. Он ведь отличный актёр. Но я, надеюсь, в следующем сериале или фильме он обязательно сыграет — например, милого дружка, ласкового убийцу из «Купели дьявола». Или ещё кого-нибудь столь же «симпатичного».

Я ведь понимаю: нам удалось так много сделать за два года только потому, что мы вместе.

— **А вам не кажется, что 8 книг — по 4 в год плюс ещё 13 серий телефильма — это чересчур много даже для дружной и сработавшейся пары? Как вам удаётся выдержать такую нагрузку без явного ущерба для качества? А главное — зачем? Из-за денег? Или боитесь потерять завоёванное место на книжном рынке, боитесь, что вас забудут, отодвинут в сторону?**

— Разумеется, книги дают материальную независимость. По сравнению с тем, как мы жили раньше и как живёт большая часть наших сограждан, сегодня у нас хорошо. Я совершенно равнодушна к светским тусовкам, дорогим тряпкам, даже путешествовать не люблю, ни разу ещё не была за границей. Пока предпочитаю сидеть дома за компьютером. Для меня сочинение книг — не способ заработка. Это способ существования. То, что я делаю, заменяет мне жизнь. Даже больше. Это и есть моя жизнь, потому что реальность слишком разбавлена, как бы размазана, а в книгах всё плотно и сжато. Мне кажется, такое происходит с любым человеком, который серьёзно пишет. А я отношусь к своей работе очень серьёзно. И то, что за состояние счастья ещё платят какие-то деньги, — чудо и огромная удача. Так что я счастливый человек.

Если я два-три дня не пишу, то знаю, что завтра уже начну скучать, не буду знать, куда себя деть.

Известно, что люди искусства работают по-разному. Великий Моцарт, например, сочинял легко и быстро и создал массу прекрасных произведений. А кто-то всю жизнь сочиняет одну симфонию, пишет одну картину или одну книгу, и она может стать шедевром, а может и не стать. Всё бывает по-разному. Прямой связи между количеством литературной продукции и

её качеством лично я не усматриваю. Простите мне обращение к Моцарту — это не из-за моего непомерного тщеславия, наоборот, я весьма критически к себе отношусь — просто так нагляднее. «Корабль призраков», например, я написала всего за 20 дней. Не потому, что кто-то стоял над душой, торопил, грозил долговой ямой, как было, например, с Достоевским, когда он писал «Игрока». Вспоминаю только о темпах его работы — увы, вынужденных. А если пишется быстро — зачем ждать? Зачем ждать, если в тебе уже зародилось ощущение новой книги, если оно рвётся наружу, как ребёнок из чрева матери? Зачем себя ломать?

— **Выходит, ваша литературная плодовитость не результат давления внешних обстоятельств, а внутренняя потребность?**

— Выходит, так. Плюс, как вы уже сказали, естественное желание не быть вытесненной с книжного рынка. Хотя все мы знаем: можно быть автором одной-единственной книги и о тебе будут помнить вечно. И наоборот. Успех — вещь капризная. Может быть, в будущем я буду работать иначе. Но сейчас всё происходит именно так. И я думаю: сколько книг ещё можно написать! Это так радостно.

Раньше я печатала на машинке, теперь на компьютере — получается в несколько раз быстрее. Хотя на машинке работать приятнее — ощущаешь некую рукотворность, связь с материалом.

Пишу без черновиков, даже без предварительного плана. Главное, чтобы легла первая фраза, а там уж идёт само, цепляется одно за другое, возникают люди, их отношения — всё непредсказуемо, как в жизни.

— **Разве можно писать детектив без плана? Не рассчитав заранее все логические ходы, не расставив ловушки, не приготовив неожиданную развязку? Вы ведь широко пользуетесь приёмами классического детективного жанра.**

— Я ничего не придумываю заранее. Может, это неправильно, но иначе у меня не получается. Всё возникает по ходу работы, как бы само собой. Иногда мне кажется, что события развиваются вообще без моего участия, по каким-то своим правилам. Я не знаю, почему получается так, а не иначе. Просто пишу.

Для того чтобы начать книгу, мне нужен не план, не сюжет, даже не идея — ощущение. Трудно объяснить, что это такое. Просто краска, звук, музыка будущей книги. И чаще всего поймать это ощущение помогает вода. Ночные прогулки под дождём по набережным Питера, морской берег, дождь, даже, как ни смешно это звучит, душ.

Книга, которую я только что закончила, получилась весёлой, даже озорной — эдакий иронический детектив. Я очень веселилась, когда писала. Тогда из Эстонии как раз приехал наш добрый приятель, марийский художник, и рассказал совершенно замечательную историю.

Один такой мариец работал в таллиннском зоопарке, убирал за обезьянами. Освободилось место уборщика за слонами — всё же как-то солиднее, престижнее. Он пришёл в дирекцию, а ему отказали: не сдал экзамен по эстонскому языку! Клянусь, это не анекдот, а реальная история. И она вызвала в моём сознании целый сонм эстонцев, заселила книгу, которая ещё не была написана, представителями маленькой, но гордой нации, уверенной в своей исключительности.

«Смерть на кончике хвоста» появилась, конечно же, благодаря собаке. Мы с мужем подобрали несчастную, больную, совершенно сумасшедшую добермануху, которая вела себя вопреки всем нормам своей свирепой и коварной породы, и само собой получилось, что она, со всеми её капризами и причудами, стала едва ли не главной персоной в доме, а потом залезла и в книгу, определила сюжет, отношения главных героев.

Я очень люблю своих героев. Они замечательные. Особенно те, кого я когда-то знала, встречала в прошлой жизни. Марийский художник Серьга — один из самых любимых. (Я говорю о литературном герое, тот, что в сериале, — лишь бледное его отражение.) Гениальный художник-самородок, маленький, ершистый, въедливый, матерщинник, со своими словечками и подковырками. Он у меня появлялся в нескольких книгах, потом, к сожалению, по велению сюжета пришлось его злодейски убить, о чём жалею. А настоящий Серьга, мой од-

нокурсник-вгиковец (это он, кстати, рассказал историю про эстонцев), живёт себе поживает в Йошкар-Оле и очень доволен, что стал литературным героем.

Супермен-журналист Лещ из «Куколки для монстра» тоже наш хороший приятель, живёт в Новосибирске, занимается рекламой и пленяет юных журналисток своим невероятным шармом и шиком.

А великолепные старухи, которых немало в моих книгах, во многом списаны с нашей любимой бабушки, коренной ленинградки, блокадницы Ларисы Фёдоровны Ляшенко.

Я говорю: списаны, но это, конечно, не так. Берёшь ощущение человека, его стиль, внешнюю оболочку, какие-то характерные детали — остальное уже не связано с реальностью и принадлежит только литературе, авторской воле и авторскому вымыслу.

— **Почти все герои ваших первых книг так или иначе связаны с ВГИКом. Похоже, вгиковские годы неизгладимо врезались в ваше сознание и ВГИК превратился в некое вселенское зло, с которым вы неустанно сводите счёты, словно что-то хотите досказать, за что-то отомстить.**

— Я не одержима идеей мести, как моя героиня Ева. Но ВГИК я действительно не люблю, и это, очевидно, чувствуется в моих книгах. Видимо, это своего рода сублимация, вытеснение из себя обиды, разочарования и прочих негативных эмоций, так или иначе связанных с моим студенческим прошлым. Я сама из Николаева, начинала учиться в Киеве, в Москву попала уже на 3-й курс, и так до конца осталась чужой, нелепой провинциалкой. Там уже сложилось своё ядро — москвичи, дети известных кинематографистов, элита. А рядом — кучка голодных и жадных провинциалов, готовых на всё, чтобы войти в ближний круг. Никогда не встречала такой концентрации тщеславия и уязвлённого самолюбия на одном пяточке. Все мнили себя гениями, людьми особой, высшей породы. Хотя, к сожалению, после института никто особо не проявил себя в реальном деле. С преподавателями у меня тоже были сложные отношения. Долгие годы вообще сомневались в моей профпригодности. Я, наверное, сама в этом виновата, потому что своим Мастером, единственным авторитетом и образцом для подражания считала (и сейчас считаю) не московских знаменитостей, а своего киевского педагога Галину Петровну Савченко. Такие люди, как она, сродни произведениям искусства. Общение с ними порождает мысли, чувства, даёт толчок к творчеству, как хорошая книга или музыка. А вгиковские профессора жёстко и холодно учили ремеслу. Научили, дали хорошее образование, за что им большое спасибо. По остальным счетам я уже заплатила, долги отдала.

Моя неприязнь к ВГИКу каким-то образом перешла и на Москву. Она, как известно, слезам не верит и равнодушно отторгает чужаков. А я, человек южный, эмоциональный, совершенно не деловой, так и не стала в Москве своей. Хотя Москвой восхищаюсь: нигде больше нет такого безумного напряжения, ощущения шанса, азарта. Питер совсем другой. Он консервативнее, спокойнее, там и жизнь, и люди проще, и воды много. В Питере мне хорошо.

— **Вы пишете детективы и триллеры, то есть работаете в жанре, который традиционно считается любимым, но как бы второсортным. Всегда существовал довольно-таки жёсткий водораздел между «серьёзной» литературой и лёгким, развлекательным чтивом. Вам не хотелось бы войти в большую литературу?**

— Кому же этого не хочется? Но только я не думаю, что для этого надо изменять любимому жанру. Да, и мы, и наши родители, и бабушки с дедушками твёрдо усвоили, что «поэт в России больше, чем поэт». Читающий народ привык относиться к печатной продукции доверчиво и серьёзно. Десятилетиями писатели считались у нас властителями дум, а литература — учебником жизни, где искали (и часто находили) ответ на самые насущные, большие вопросы. От писателей (а также кинематографистов, театральных деятелей и так далее) ждали не просто высокой художественности, глубокого понимания человеческой души, увлекательно рассказанной истории, наконец, но и воплощения национальной идеи, сиюминутной политической определённости, неременного выступления «за» или «против». Это вполне объяснимо: ведь мы жили в закрытом, тоталитарном обществе, во времена жёсткой цензуры, когда о многом нельзя было говорить открыто и прямо, приходилось хитрить, как говорится, держать фигу в кармане.

Но времена меняются. Сейчас ситуация совсем иная. Нет нужды пользоваться произведениями искусства, для того чтобы завуалированно высказать крамольные мысли. Были бы мысли, а высказать их может кто угодно и в любой форме. В открытом обществе дозволено практически всё (иногда приходится даже пожалеть о подобной вседозволенности — но это другой разговор, другая тема). Литература вернулась к своему исконному назначению: не бороться, не разоблачать, не проповедовать, а рассказывать истории и в них отражать время и внутренний мир человека, его душу. Я убеждена, что ориентация на современность, «сиюминутность» чужда истинному искусству. Искусство вообще не должно осознанно служить тем или иным идеям, даже самым высоким и прогрессивным. Писатель не обязан быть в плену реальности, он творит собственную реальность.

И в этих условиях деление литературы на «большую» и «маленькую», на истинную литературу и облегчённую беллетристику представляется мне несущественным. Да, конечно, всегда была и, надеюсь, останется литература для немногих — назовите её, как хотите: настоящая, серьёзная, великая. Непостижимая глубина проникновения в человеческую душу, неподражаемый стиль, высочайший уровень художественности, высокая культура мысли — мы знаем великих мастеров, наслаждаемся их творчеством, учимся у них, воспитываем с их помощью детей. Без них невозможна наша духовная жизнь, познание мира и самого себя. Невозможна цивилизация. Назову только самых близких и дорогих мне современников — Набоков, Бродский, Макс Фриш. Каждый может продолжить этот блистательный перечень. Самые высокие критерии художественности, но, увы, немного читателей и истинных ценителей. Это вполне нормально! Не стоит снобистски презирать миллионы людей, которые читают не только шедевры, не только общепризнанную классику, но и самые обыкновенные современные книги, купленные в соседнем магазине или на лотке в метро. Читают, находят в них развлечение, а если повезёт — новую информацию, пищу для души и ума.

Нет литературы высокой и низкой. Скучные философствования и нудные поучения отставших от жизни людей — это не гарантия художественности. Писать для немногих, для литературных гурманов, для вечности, наконец, могут позволить себе только гении. Скука противопоставлена искусству. Когда пишешь, хочется, чтобы тебя читали, и чем больше, тем лучше.

— **Значит, да здравствует массовая развлекательная литература, а всё остальное — побоку?**

— Да здравствует просто литература. Желательно хорошая, вне зависимости от жанров и прочих ярлыков.

— **И каким же вы видите своё место в сегодняшнем литературном процессе?**

— Я считаю неправильным писать и думать, какой вклад ты тем самым вносишь в отечественную словесность. Глупо бить себя в грудь — я, мол, творю высокое и вечное. Я просто работаю, делаю то, без чего не могу жить. Оценивают пусть другие. А лучше всех это сделает время, единственный справедливый судья. Сам по себе развлекательный жанр, в котором я работаю, не определяет принадлежности к тому или иному сорту литературной продукции. Да, я просто пишу детективы и понимаю, что мои книги — это крепкая, качественная беллетристика. И только от меня зависит поднять уровень этого качества до предела, когда беллетристика становится литературой.

— **Как вы считаете, произведения Агаты Кристи — это беллетристика или литература?**

— Если вы настаиваете на таком делении, скажем так: лучшие её произведения — литература. Сейчас это общепризнанно. Её книги в Англии включены в школьную программу, язык и стиль считаются образцовыми. А главное, по мнению критиков, мало кто из писателей того времени сумел нарисовать столь яркую, достоверную картину английской провинции, дать обширную галерею типичных её обитателей, рассказать об их быте, привычках, семейных отношениях, образе мыслей. Сама Агата Кристи в «Автобиографии» — лучшей её книге — оценивала свою работу весьма скромно: не более чем умелое, честное ремесло. Но время рассудило иначе.

Агата Кристи не старалась быть серьёзной. Не нагружала свои лучшие произведения политикой, философией, нравоучительными рассуждениями, да им и не нашлось бы места в её изящных, хитроумно выстроенных конструкциях. Но в них была жизнь. Было время. Были человеческие чувства и характеры. И потому книги леди Агаты читают и будут читать долго. О многих ли писателях можно с уверенностью сказать такое?

Так что грань между развлекательной литературой и просто хорошей литературой весьма условная. Сама по себе принадлежность к популярным массовым жанрам — детективу, триллеру, научно-фантастическому, авантюрно-приключенческому, полицейскому, любовному, роману ужасов и так далее — ещё не свидетельствует о качестве. Умение рассказать увлекательную, захватывающую историю — это ещё не самое главное. Качество, на мой взгляд, проверяется принципом игрушечной детской пирамидки: снимаешь сверху один слой, открывается новый, более обширный, и так далее. В многослойной книге, выразившей время и личность автора, каждый найдёт что-то для себя. Как, например, у любимых мною моих литературных учителей Стивена Кинга и Себастьяна Жапризо или, если вспомнить женские, любовные романы — у создательниц «Унесённых ветром» и «Джейн Эйр». Приводить примеры из сегодняшнего дня не берусь. Не мое дело давать оценки коллегам, моё дело писать.

— **И всё же нельзя не поговорить о вале низкопробной, третьесортной продукции, захлёстывающей современный книжный рынок. Например, о десятках разухабистых, развязных книжек некой чрезвычайно плодовитой дамы, под именем которой, как выяснилось, скрывается несколько предприимчивых мужчин. Или крутых боевиках, где не продерёшься сквозь мат и якобы смелую, а на самом деле беспомощную эротику?**

— Но мы же говорим не о низкопробном чтиве, а о литературе. Поток чтива существовал всегда — и во времена Пушкина, и во времена Достоевского, и в наше с вами время. Когда-то «Пещера Лейхтвейса», потом «Кавалер Золотой звезды», сегодня приключения всяких Меченых и Бешеных. Читатель должен сам делать свой выбор. Если ему неинтересно, если книга не будит воображение, не трогает душу, не развлекает, наконец, — он не будет читать. Или прочитает — и тут же забудет. Кстати, именно от школы во многом зависит выработка хорошего вкуса, своего рода литературной брезгливости, когда грязную книжку и в руки взять неприятно.

— **Сейчас все мы — и учителя, и родители — чрезвычайно озабочены волной жестокости, насилия, разнузданности, которая обрушивается на наших детей с экранов телевизоров, со страниц кровавожадных полупорнографических боевиков. И думается, высокое качество, литературная привлекательность такого рода продукции представляет особую опасность. Вы, автор книг, в которых льётся немало крови, не чувствуете себя в какой-то мере ответственной за разгул насилия, который царит сейчас в массовой культуре? Вам не кажется, что произведения такого рода могут плохо повлиять на неокрепшие детские души, пошатнуть веру в незыблемую ценность человеческой жизни, непременную победу добра над злом — то, чему учит нас великая русская литература?**

— Я не могу взять на себя ответственность за всё, что происходит в нашей жизни. Я пишу детективы, а это жанр достаточно условный, я бы сказала — игровой. Читатель вовлекается в игру: всё похоже на жизнь, но всё-таки не жизнь, некая виртуальная реальность, разыгранная в лицах логическая задача, где герои и фон, на котором они действуют, при всей достоверности деталей и психологических характеристик, имеют такое же отношение к действительности, как сражения оловянных солдатиков к настоящей войне.

Но я согласна с вами — ни один на свете жанр, при всей его условности, не должен оправдывать воспевания насилия, безнравственности, грубой порнографии. В моих книгах и в книгах других моих уважаемых коллег этого вроде бы нет. Там чётко расставлены нравственные акценты, ценность человеческой личности не подвергается сомнению и зло, как правило, наказуемо. Но это, естественно, касается только книг первого ряда. Так что мы опять вернулись к вопросу о качестве.

— **Нас беспокоит не только то, что дети читают плохие книги. Они вообще перестают читать, прилипнув к телевизору и компьютеру.**

— Это новая реальность, с которой мы обязаны считаться, даже если она нам не по вкусу. Изменилось время, изменилось человеческое сознание. Неспешное, вдумчивое чтение неприемлемо для большинства современных подростков, настроенных на иные скорости, иной ритм жизни. И с этим надо смириться. Конечно, знание классики необходимо — дети должны прочитать и «Евгения Онегина», и «Войну и мир». Их не заменить кассетами и компакт-дисками. Без этих сокровищ духовности, смолоду заложенных в человека, он превратится в обезьяну. Можно убедить подростка прочитать великие книги, даже заинтересовать его, наконец, заставить (роль школы!), но надеяться, что он будет жить этими высокими образами и идеями, что они станут неотъемлемой частью его внутреннего мира, уже вряд ли возможно. Думается, ближайшие поколения наших детей читать не будут. Во всяком случае, то, что мы считаем серьёзной литературой. Как говорится, процесс пошёл и можно только гадать, во что он выльется через 10–15 лет.

Но, как сказал один очень мудрый человек, если ты не можешь остановить процесс, постарайся его возглавить. Я позволю себе высказать мнение, которое, может быть, не всем придётся по вкусу. Наши дети сидят перед компьютерами, их не оторвёшь от экранов. Значит, надо попытаться по возможности переводить литературу на язык компьютерных игр. Да, при любом адаптации неизбежны потери. Но дети, может быть, заинтересуются, впустят в своё сознание и «Братьев Карамазовых», и «Мастера и Маргариту», а потом, повзрослев, сумеют должным образом разобраться с подлинниками.

Сегодня никуда не уйти от клипового сознания. Компьютер заполнил всё пространство личности. И только очистив этот мир, облагородив его, можно спасти детей от глобальной бездуховности. Развивать культуру в компьютерном пространстве, сначала адаптируя, а потом, может быть, и научившись переводить на другой язык. Да, это полумера, уступка нынешней бездуховности, но без этого не шагнуть дальше.

— **Но такого никто ещё не пробовал делать, ни в Японии, ни в Америке.**

— А почему бы нам не стать первыми?

— **Ваши книги переживут всеобщую компьютеризацию?**

— Нет, они написаны для обычных взрослых людей. На мой век хватит читателей, привыкших к традиционным формам творчества. Но окажутся ли среди них нынешние пятнадцатилетние — большой вопрос. Впрочем, я не собираюсь загадывать. Поживём — увидим.